ПРАВА И СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА: РОССИЙСКАЯ КОНСТИТУЦИЯ И ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД

Кострова Н.М., Дагестанский государственный университет, г. Махачкала, Российская Федерация, *civilprocess71@mail.ru*

Целью данного исследования является выявление теоретических и практических проблем, возникающих при защите прав и свобод человека и гражданина органами правосудия. Основными методами достижения результатов являются формально-юридический, статистический, отдельные логические приемы. В рамках обозначенного направления на основе анализа нормативной и научной литературы рассмотрены механизмы защиты прав и свобод человека и гражданина органами правосудия в контексте реализации конституционных положений, а также положений Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод в этой сфере. Проанализировав нормативную модель защиты прав и свобод человека и гражданина в рамках правовой системы России, автор обозначил ее недостатки в сфере осуществления правосудия по гражданским, уголовным и административным делам, указал возможные пути их устранения.

Ключевые слова: права человека, правосудие, судебная власть, защита прав и свобод, Конституция России, Европейская Конвенция.

DOI: 10.21779/2224-0241-2017-24-4-73-76

UDC 342.7

HUMAN RIGHTS AND FREEDOMS: THE RUSSIAN CONSTITUTION AND THE EUROPEAN COURT

Kostrova N.M., Dagestan State University, Makhachkala, Russian Federation, *civilprocess71@mail.ru*

The purpose of this study is to identify theoretical and practical problems that arise in the protection of human and civil rights and freedoms by the organs of justice. The main methods for achieving results are formal-legal, statistical, individual logical methods. Within the framework of the indicated direction, based on the analysis of normative and scientific literature, mechanisms for the protection of human and civil rights and freedoms in the context of the implementation of constitutional provisions, as well as the provisions of the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms in this field are considered. Analyzing the normative model for the protection of human and citizen's rights and freedoms within the legal system of Russia, the author outlined its shortcomings in the area of administering justice in civil, criminal and administrative cases, and indicated possible ways to eliminate them.

Key words: human rights, justice, judicial power, protection of rights and freedoms, the Constitution of Russia, the European Convention.

DOI: 10.21779/2224-0241-2017-24-4-73-76

Права и свободы человека провозглашены действующей Конституцией России в качестве высшей ценности, а их признание, соблюдение и защита названы обязанностью государства (статья 2). Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года в соответствии со статьями 15 и 17 Конституции РФ входит в состав правовой системы России. Перечень гражданских и политических прав и свобод в названных документах практически совпадают, и есть все основания квалифицировать Конвенцию как конституционный инструмент признания и защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации [1, с. 297]. Решения Европейского Суда по правам человека, призванного обеспечивать соблюдение государствами-членами Совета Европы принятых на себя по Конвенции и протоколам к ней обязательств, стали своего рода индикатором соответствия истинного положения прав человека в России не только европейским стандартам, но и нормативной модели, представленной в Конституции РФ.

Российская Конституция относительно возможностей реализации провозглашённых ею прав личности была явно «сшита на вырост», а вступление в Совет Европы и ратификация в марте 1998 г. Россией названной Конвенции в немалой степени явились проявлением демократической респектабельности властей. Сами по себе эти обстоятельства не стали, однако, объектами серьёзной научной критики в стране. Действительно, между нормами Конституции и российской реальностью имеются определённая дистанция и известная напряжённость, нередко они вступают в противоречия, но – последние, как тогда предполагалось, будут сниматься в процессе реализации Конституции и в ходе развития конституционализма [2, с. 70]. Что касается Европейского суда, то считалось, что применяемое им правило *margin of appreciation* (предел оценки) позволит рассчитывать на индивидуальный подход к каждой стране с учётом её национальных особенностей, но в неперемённых условиях демократизма.

Согласно ст. 18 Конституции РФ, права и свободы человека и гражданина определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием. Следовательно, правосудие как функция судебной власти – это главная гарантия прав человека и гражданина, способ обеспечения их непосредственного действия. Недаром истинное правовое государство называют «государством судей». Почти двадцатипятилетний период действия Конституции России подтверждает тот факт, что справиться со своим предназначением российская судебная система пока не в состоянии.

А. Шайо, профессор права из Будапешта, в факте признания прав человека наивысшей ценностью не нашел оснований для чрезмерного оптимизма. Верховенство и доминирование власти неизбежно в правовом государстве, тем более в условиях неразвитых форм. Поэтому принцип правового государства, как и демократию, следует отстаивать лишь как менее произвольные и менее болезненные формы доминирования [3, с. 2].

В марте 1996 г., после вступления России в Совет Европы, его эксперты специально отметили, что массовое сознание в России отдаёт приоритет исполнительной власти как единственно реальной, люди склонны обращаться за защитой не к судье, а к соответствующему чиновнику. Эксперты были, конечно, правы: они тогда могли бы без труда выявить и факты обращений граждан за защитой нарушенных прав к «преступным авторитетам».

Добавим здесь, что обращение к чиновнику и поныне многим представляется кратчайшим и более надёжным путём решения проблемы. Суд ведь, в лучшем случае, лишь подтверждает законность требований заявителя, а вот исполнение судебного решения часто остаётся под большим вопросом. Чиновник же волен удовлетворить прошение (и не обязательно обоснованное) без всяких проволочек.

Вопрос о взаимоотношениях гражданина с административной функцией государственной власти имеет большую историю и в нынешней России крайне актуален. Как показывает мировой опыт, наибольшую гарантию от злоупотреблений властью и нарушений прав и свобод граждан могут предоставить единые правила управленческих действий (административные процедуры). Как считал Р. Иеринг, немецкий юрист XIX в., учение которого теперь воспринято во многих странах, форма в государственном управлении – «это заклятый враг произвола». Очевидно, что вяло текущая административная реформа в России получила бы мощный импульс посредством установления единой регламентации управленческих действий – в её полном соответствии с Конституцией страны. Варианты таких решений нашим правоведам и законодателям уже предлагались [4].

В работе «Единство процесса», впервые напечатанной в 1920 году в «Трудах профессоров Иркутского университета», В.А. Рязановский называл третьим, помимо традиционных гражданского и уголовного, молодой административный процесс. Административный иск – это иск о защите субъективных публичных прав граждан, а административная юсти-

ция – один из краеугольных камней правового (в отличие от полицейского. – Н.К.) государства 19 века [5, с.18, 26]. Известно, что идея судебно-исковой защиты публичных прав граждан была реализована в принятом Временным правительством 30 мая 1917 года Положении о судах по административным делам. Но судьба этого документа понятна.

Согласно части 2 статьи 118 Конституции РФ судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства. До сих пор организационная форма административной юстиции обходится без специализированных судов. Такое положение, как видно, устраивает российских парламентариев, поскольку проект ФКЗ «О федеральных административных судах в Российской Федерации», принятый Государственной Думой в первом чтении в ноябре 2000 года, до сих пор остаётся единственным её движением в направлении, одинаково важном как для судебной, так и для административной реформы. А ведь нельзя не согласиться с Г.А. Гаджиевым в том, что «только ограниченный административными процедурами и находящийся под контролем административных судов государственный аппарат может считаться аппаратом правового государства» [6, с. 61].

Большинство нарушений прав и свобод гражданина связано с несоблюдением принципов состязательности и равноправия сторон при осуществлении судопроизводства, особенно это важно в уголовном судопроизводстве, где указанные принципы прививаются с большим трудом. Качество оперативно-розыскной и следственной работы правоохранительных органов зачастую не выдерживает объективной и беспристрастной судебной оценки в соответствии с конституционным принципом презумпции невиновности. Судам очень часто приходится рассматривать дела с вероятностным уровнем установления фактов либо (и) с указанием на полученное от обвиняемого в ходе расследования личное признание.

А. Ковлер, судья Европейского Суда, избранный от РФ, признался, что при рассмотрении дел по России ему порой хочется «залезть под стол от стыда». «Поражаем Страсбург поистине средневековой изощренностью издевательств работников правоохранительных органов с целью получения «признательных» показаний [7, с. 2]. Интересно, что конституционный принцип состязательности и равноправия сторон в судебном процессе нередко воспринимается в прокурорской среде не более как «сложившийся стереотип о недопустимости участия судов в борьбе с преступностью». Судьям и прокурорам рекомендуется обмениваться «информацией о состоянии, структуре преступности и судимости», судьям – участвовать «в координационной деятельности прокуратуры по борьбе с преступностью» и т.п. [8, с. 37]. О взаимодействии суда с другой равноправной стороной процессуального состязания – подсудимым и его защитником – речь не идет, ибо «адвокаты мешают бороться с преступностью».

Обвинительный уклон – давнее и трудноисправимое свойство российских судов. В опубликованных Верховным Судом Российской Федерации данных доля оправдательных приговоров продолжает

падать: в 2014 году она составила 0,54%, в 2015-м – 0,43%, в 2016-м – 0,36%. Изменился и подход к оправданиям: граждан, обвиненных в коррупционных преступлениях, суды оправдывают вдвое чаще, чем остальных. Среди злоупотребляющих служебным положением – 2,1% оправданных, среди превышающих служебные полномочия – 1,6% (в 2015-м аж 2,9%), среди обвиняемых в служебном подлоге – больше 3% [9].

К сожалению, обвинительный уклон «питают» ныне парадоксальным образом даже очевидные провалы в работе органов расследования: если уж человек всё-таки оказался на скамье подсудимых, значит, по людскому разумению, осудить его необходимо, и по всей строгости, иначе – под подозрением оказывается уже судья.

На фоне исключительно «меткой» уголовной репрессии в обычных российских судах частота оправдательных вердиктов, выносимых судом присяжных, не может не вызывать в обществе недоумения и сомнений. По идее, суд присяжных заседателей (ч. 4 ст. 123 Конституции РФ) – социально-правовой институт, который олицетворяет приоритет гражданского общества перед государством в области уголовного судопроизводства. Это, несомненно, конституционная ценность, одно из реальных проявлений народовластия. Можно спорить по поводу того, обвиняемым в каких преступлениях лицам следует предоставлять право на рассмотрение их дел судом с участием присяжных. Но нельзя не учитывать того, что тяжесть последствий судебной ошибки (вольной или невольной) возрастает вместе с тяжестью инкриминируемого человеку преступления, а провоцирующий ошибку пресловутый обвинительный уклон нередко достигает по таким делам весьма высоких показателей.

Согласно опубликованной статистике в 2013 году с участием присяжных заседателей оправдательные приговоры выносились в 20% случаев [10]. В соответствии со статистической отчетностью по уголовным делам Верховного Суда Республики Дагестан за период с 2015 по ноябрь 2017 года с участием присяжных заседателей было рассмотрено по существу 20 уголовных дел в отношении 38 лиц. Из них 12 лиц (31,6%) оправдано [11]. Судьи, рассматривавшие дела с участием присяжных, соглашались, за редкими исключениями, с их вердиктами. И с присяжными, и без них судьи по многим делам выносили в соответствии со статьёй 29 УПК РФ о полномочиях суда (в целях «принятия необходимых мер») частные постановления по выявленным обстоятельствам, которые в ходе предварительного расследования способствовали нарушению прав граждан и другим нарушениям закона. Среди таковых были и фальсификация доказательств, и применение незаконных методов ведения следствия, и предъявление очевидно необоснованных обвинений. Европейская конвенция (статья 2 «Право на жизнь») в толковании Страсбургского Суда требует проведения эффективного расследования, когда использование силы, в особенности со стороны государства, привело к гибели человека. Но даже такие частные постановления суда, направляемые в прокуратуру республики, остаются без какой-либо реакции

адресата – по той, очевидно, простой причине, что указанному полномочию суда в законе не корреспондирует чья-либо обязанность.

Большое количество жалоб на Российскую Федерацию поступает в Европейский Суд на неисполнение решений судов. В соответствии с правовой позицией Европейского Суда исполнение судебных постановлений является стадией судебного процесса, без их исполнения право на справедливое судебное разбирательство остаётся нереализованным, иллюзорным. В России же эта функция отнесена к ведению власти исполнительной, и суды в некотором роде оказываются «без вины виноватыми».

Но дело не только и не столько в этом. Среди жалоб граждан и организаций в Европейский Суд на неисполнение судебных решений в России преобладают те, в которых должником является государство. Служба судебных приставов к исполнению таких постановлений, какими бы законными и обоснованными они ни были, отношения не имеет. Исполнять или не исполнять их – решают федеральные правительственные структуры. Формулу статьи 18 Конституции РФ об обеспечении правосудием прав и свобод человека и гражданина в подобных случаях приходится, к сожалению, напрямую соотносить с другим изречением Андраша Шайо: «Не стоит преувеличивать возможности права. Правовое регулирование ограничивает свободу проявления власти лишь до степени её выносимости» [12, с. 205].

В Докладе Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2016 год приведено множество фактов нарушений, допускаемых государством в лице отдельных должностных лиц и органов. Так, много жалоб приходит на нарушение положения Конституции Российской Федерации о праве на свободу труда и его справедливую оплату. По-прежнему весьма актуальной остается тема соблюдения прав граждан в ходе производства по уголовным, гражданским и административным делам, соблюдения условий содержания под стражей в местах лишения свободы [13, с. 7].

В одном из своих постановлений (№ 20-П от 2 июля 1998 г.) Конституционный Суд РФ указал: «Непринятие мер к выявлению и устранению нарушений прав и свобод, особенно в тех случаях, когда в дальнейшем их восстановление оказывается невозможным, должно расцениваться как невыполнение государством и его органами своей конституционной обязанности. Поэтому задачей федерального законодателя является создание надлежащих, в том числе процессуальных механизмов, которые позволяли бы гражданам, чьи права и свободы оказались нарушенными, добиваться их реальной защиты, используя все не запрещённые законом способы».

Сколько с тех пор «неприятностей», связанных с одним только Европейским Судом по правам человека, российскому государству удалось бы избежать, если бы оно постоянно исполняло столь внятно истолкованные положения статьи 45 Конституции России. Европейский Суд неизменно исходит из того, что защиту прав человека должны обеспечивать, прежде всего, государственные органы, и роль судов

– ключевая в государстве, основанном на верховенстве законов.

Высшие суды России во многих решениях в обоснование своих выводов ссылаются не только на Конвенцию о защите прав человека и основных свобод 1950 года и на принятые позднее Протоколы к ней, но и на судебную практику (прецеденты) Европейского Суда. Упоминание этих документов и в ре-

шениях других судов – свидетельство того, что наши судьи знают не только российское законодательство, но и соотносят его с международными стандартами защиты прав человека. Ведь хорошо иметь гражданину возможность обратиться в Европейский Суд с жалобой на свое государство, но еще лучше, когда в этом нет необходимости.

Литература

1. Зорькин В.Д. Россия и Конституция в XXI веке. Взгляд с Ильинки. М., 2007.
2. Мамут Л. Конституция и реальность // Право и жизнь. М., 1999. № 2. С. 70–74.
3. Шайо А. Универсальные права, миссионеры, обращенные и «местные дикари» // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 1997. № 2.
4. Экштайн К., Шафхаузер Р., Вершинин С. Как упорядочить отношения гражданина и чиновника? Административные процедуры на примере законодательства Швейцарии. М., 2000.
5. Рязановский В.А. Единство процесса. М., 1996.
6. Гаджиев Г. Форум: становление административной юстиции в России. Введение // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 2002. № 2.
7. Ковлер А. И. Верь, не бойся и проси // ЭЖ-Юрист. 2010. № 1–2.
8. Кобзарев Ф. Прокуроры и судьи о взаимодействии в сфере уголовного судопроизводства // Законность. 2006. №8. С. 37–40.
9. Романова О., Челищева В., Байдакова А. 99,64%. С такой вероятностью вас признают виновным, если дело дойдет до суда (Верховный суд обнародовал данные по оправдательным приговорам в России) // Новая газета. 11 авг. 2017. № 87.
10. Кошкина А. Достаточное оправдание. 11 февраля 2014 г. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2014/02/11/5901105.shtml> (дата обращения: 2.11.2017).
11. Статистическая отчетность по уголовным делам Верховного Суда Республики Дагестан за 2015–2017 годы.
12. Шайо А. Самоограничение власти (краткий курс конституционализма). М., 1999.
13. Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2016 год. URL: <http://ombudsmanrf.org/content/doclad2016> (дата обращения: 2.11.2017).

References

1. Zor'kin V.D. Rossiya i Konstitutsiya v KhKhI veke. Vzgl'yad s Il'inki. M., 2007.
2. Mamut L. Konstitutsiya i real'nost' // Pravo i zhizn'. M., 1999. № 2. S. 70–74.
3. Shaio A. Universal'nye prava, missionary, obrashchennye i «mestnye dikari» // Konstitutsionnoe pravo: vostochnoevropayskoe obozrenie. 1997. № 2.
4. Ekshtain K., Shafkhauzer R., Vershinin S. Kak uporyadochit' otnosheniya grazhdanina i chinovnika? Administrativnye protsedury na primere zakonodatel'stva Shveitsarii. M., 2000.
5. Ryazanovskii V.A. Edinstvo protsessa. M., 1996.
6. Gadzhiev G. Forum: stanovlenie administrativnoi yustitsii v Rossii. Vvedenie // Konstitutsionnoe pravo: vostochnoevropayskoe obozrenie. 2002. № 2.
7. Kovler A. I. Ver', ne boisya i prosi // EZh-Yurist. 2010. № 1–2.
8. Kobzarev F. Prokurory i sud'i o vzaimodeistvii v sfere ugovnogo sudoproizvodstva // Zakonnost'. 2006. №8. S. 37–40.
9. Romanova O., Chelishcheva V., Baidakova A. 99,64%. S takoi veroyatnost'yu vas priznayut vinovnym, esli delo doidet do suda (Verkhovnyi sud obnarodoval dannye po opravdatel'nym prigovoram v Rossii) // Novaya gazeta. 11 avg. 2017. № 87.
10. Koshkina A. Dostatochnoe opravdanie. 11 fevralya 2014 g. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2014/02/11/5901105.shtml> (data obrashcheniya: 2.11.2017).
11. Statisticheskaya otchetnost' po ugovnym delam Verkhovnogo Suda Respubliki Dagestan za 2015–2017 gody.
12. Shaio A. Samoogranichenie vlasti (kratkii kurs konstitutsionalizma). M., 1999.
13. Doklad Upolnomochennogo po pravam cheloveka v Rossiiskoi Federatsii za 2016 god. URL: <http://ombudsmanrf.org/content/doclad2016> (data obrashcheniya: 2.11.2017).

Поступила в редакцию 30 ноября 2017 г.
Received 30 November, 2017